

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 395

Отражение представлений о достатке и благополучии в предметном мире таджиков и узбеков центральных районов Средней Азии

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
 Доктор исторических наук, научный сотрудник ведущей категории, отдел этнографии
 Кавказа, Средней Азии и Казахстана
 e-mail: rem.tatyana@mail.ru

В статье рассматривается, как народные и в значительной степени определявшиеся исламом представления о достатке и благополучии влияли на особенности ассортимента и эволюцию предметов быта и одежды в культуре повседневности таджиков и узбеков.

Ключевые слова: ислам, предметный мир, этнические стереотипы, таджики, узбеки.

UDC 395

Reflection of the Concepts of Prosperity and Well-Being in the Objective World of Tajiks and Uzbeks of Central Regions of Central Asia

TATYANA G. EMELIANENKO, DSc (History)

Senior researcher, high level academic specialist, Department of Ethnography
 of the Peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan
 Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
 e-mail: rem.tatyana@mail.ru

The article describes how traditional concepts of prosperity and well-being, largely influenced by Islam, had an effect on the range and evolution of household items and clothing in traditional culture of everyday life of Tajiks and Uzbeks.

Key words: Islam, items, ethnic stereotypes, Tajiks, Uzbeks.

Центральные районы Средней Азии – Среднеазиатское междуречье, называвшееся арабами Мавераннахр – территория наиболее раннего распространения ислама в регионе. Первыми последователями этой религии стало местное оседлое ираноязычное и тюркское население – предки современных таджиков и узбеков. История этих народов на протяжении многих веков развивалась в рамках исламской идеологии, под влиянием которой формировались стереотипы

повседневной культуры, включая этические нормы поведения и взаимоотношений, особенности предметного мира. Многие из них имели доисламское происхождение, были обусловлены спецификой этнической истории, однако, при отсутствии в исламе антитезы религиозного и светского, органично вошли в комплекс исламских представлений и ценностей, определявших традиционное мировоззрение таджиков и узбеков.

Отношение к достатку, богатству и благополучию является одним из ключевых понятий в исламе. Коран предписывает мусульманам вести скромный образ жизни (31:17, 18), осуждает скупость, накопительство и излишество (4:41; 43:65), чрезмерность в притязаниях и использовании своих возможностей (39:5). Мусульмане – «те, которые, тратя, не расточительствуют и не скупятся, а бывают между этим ровны» (25:67)¹. Вопросы отношения к богатству затрагивались и в этико-дидактических произведениях, получивших особое развитие в исламской литературе. Так, в «Кабус-намэ» (1082–1083), одном из сочинений этого жанра, автор настоятельно советует довольствоваться тем, что имеешь, «ибо нетребовательность – тот же достаток», а расточительство «и в еде, и в поступках, и в речах, и во всяком деле» называет пороком, который «умоляет тело, терзает душу, сушит разум и убивает живого»².

Европейцы, посещавшие мусульманские страны, всегда поражались бросающейся в глаза бедности местного населения. Франсуа Бернье (1620–1688) – врач и путешественник XVII века, побывавший в Иране, Османской империи, в государстве Великих Моголов, писал, что народ там «почти поголовно нищ или старается им казаться», что не найдется никого, кто бы интересовался изяществом и красотой изделий ремесленников, так как все гонятся только за дешевизной, и из страха, что его сочтут богатым, никто не смеет даже носить красивую одежду или вкусно есть и пить³. Примерно так же описывали почти 200 лет спустя европейские и российские исследователи и путешественники быт и среднеазиатских народов. Так И.И. Краузе (1845–1909), много лет проживший в Ташкенте и занимавшийся, в частности, изучением местных народных промыслов и ремесел⁴, с горечью отмечал: «Жизнь под постоянным оком различных органов ханского режима, постоянный риск испытать на себе право сильного, раздоры ханов, отсутствие уверенности в завтрашнем дне заставили сарта (так называли в литературе того времени местное оседлое таджико- и узбекоязычное население – Т.Е.) вести себя и свои дела незаметно, скрывать доходы, не бросаться в глаза»⁵. Этими обстоятельствами И.И. Краузе, в частности, объяснял малохудожественность, однотипность и низкое качество произведений местных ремесленников, увиденных им на Ташкентской кустарной выставке 1890 года.

Вместе с тем подобные суждения являлись «внешними», принадлежали людям другой культуры, тогда как для менталитета представителей ислама установившийся на основе религиозных предписаний порядок являлся нормой. Об этом свидетельствует в частности то, насколько неохотно оседлое население Средней Азии рас-

ставалось с традиционным укладом, вводило в свой обиход новые предметы фабричного производства после присоединения региона к России и образования на его территории Туркестанского генерал-губернаторства (1867). Казалось бы, значительно более качественные, чем местные кустарные, фабричные ткани, фарфоровая посуда и другие изделия российской промышленности должны были стать престижными, свидетельствовать о достатке их владельца. Однако даже в состоятельных семьях предпочитали использовать привычные вещи.

В некоторых случаях это напрямую было связано с религиозной традицией. Так, местное население отказывалось покупать резиновые галоши, которые могли заменить традиционную верхнюю обувь *кауш* и были схожи с ней по фасону, из-за заводского клейма на подошве – в нем было название завода-производителя, а любой текст считается в исламе священным и недопустимо, чтобы его «топтали» ногами⁶. Еще раньше английские торговцы столкнулись с тем, что поставляемые ими в Среднюю Азию ткани для чалм не пользовались спросом, так как на концах у них, вероятно в фабричном клейме, были вытканы птицы, то есть живые существа, запрещенные к изображению в исламе⁷. Но не меньшее значение имело следование обычаю, сунне, являющееся основополагающим и концептуальным в исламе.

Например, среди узбеков и, особенно, таджиков, известных своими ткацкими традициями, долго не находил спроса фабричный текстиль, поскольку ни по качеству, ни по рисунку, ни по расцветке не соответствовал местным вкусам. Это наносило серьезный урон торговой-экономической деятельности российских предпринимателей, и правительству даже пришлось прибегнуть к определенным мерам. Для этого в 1881 году в Самарканде была собрана коллекция традиционных кустарных тканей, чтобы русские промышленники могли разработать специальный, «азиатский», ассортимент⁸. Потребовалось несколько лет, чтобы ситцы «русского» стиля, например, с цветочным узором, стали восприниматься населением привычно и как «свои». Только в начале XX века на среднеазиатском рынке наступили перемены: «Туземец теперь выбирает себе на платье материю подо-роже, да покрепче и готов совсем отступить от непрактичных туземных бумажных тканей. Присматриваясь к обстановке своих русских соседей, туземец <...> перенимает то, что практично, дешевле и прочно, но, кроме того, и мода имеет свое значение для жителей каждого населенного пункта. Русские мануфактурные торговцы давно уже заметили, что ситец какого-либо затейливого рисунка иногда в несколько дней становится модным в известном городе: его

берут нарасхват»⁹. Но даже в городах таджики и узбеки еще до 1940-х годов отдавали предпочтение традиционным тканям и одежде¹⁰, отчасти сохранив привычные расцветки (полосатый и абровый узоры, определенные цветовые предпочтения) и в своем современном национальном костюме.

Состав и покрой деталей костюма на протяжении XX столетия также менялись медленно. Устаревшие фасоны традиционно определяли специфику костюма пожилых людей, а если учесть, что по местным представлениям преклонный возраст – это прежде всего возраст духовного созревания, а не физического старения, и начинался он после 40 лет (что подкреплялось и исламской традицией, так как в 40 лет Мухаммед услышал голос Бога и начал свой духовный путь), то их бытование было достаточно продолжительным. Но и новшества в одежде не привели к кардинальному ее изменению: по-прежнему бытует мужской халат традиционного покроя, массовое распространение имеют тюбетейки, у женщин – свободные платья на кокетке, появившиеся еще в начале XX века, под них надевают штаны с широким шагом, удобные для сидения на полу.

Устойчивым явился и сам обычай сидеть, есть и спать на полу, сохранившийся не только в домах традиционного типа, но и в современных квартирах, а вместе с ним – набор предметов интерьера, в частности, матрасы разных размеров (*курпа* и *курпача*), которые стелили на пол, скатерть *дастархан*, заменяющая стол.

Консерватизм таджиков и узбеков в бытовой сфере и ее предметном мире особенно наглядно проступает при сопоставлении с другими среднеазиатскими народами. У кочевых народов, казахов и киргизов, у которых идеологические нормы ислама получили массовое распространение лишь в XX веке, фабричные предметы и прежде всего ткани, например, вошли в обиход сразу, как появились на местном рынке, т.е. во второй половине XIX века, и воспринимались как престижные¹¹; бухарские евреи, непосредственные соседи городских таджиков и узбеков, которые имели с ними некогда общие предметы быта, одежду, в конце XIX – начале XX века стали активно переходить на европейский костюм, использовать европейскую мебель, а уже в 1920-х – 1930-х годах расценивали ношение традиционного костюма, обычай есть и спать на полу как признак «отсталости», противопоставляя себя тем самым мусульманскому населению¹².

Длительность бытования традиционных предметов местного кустарного производства у таджиков и узбеков мотивировалась также и тем, что распространенные у них ремесла и промыслы (как и другие виды деятельности) освящались исламом, имели своими родоначаль-

никами-покровителями – *пирами* – мусульманских святых¹³ и, следовательно, их продукция считалась богоугодной. Поэтому ценность предмета, будь то одежда, украшения, посуда и пр., определялась не столько его художественным достоинством и материальной стоимостью, сколько соответствием местной традиции.

Одежду из простых кустарных хлопчатобумажных тканей, например, производство которых в Среднеазиатском междуречье было известно с глубокой древности¹⁴ и являлось наиболее широко распространенным, в прошлом носили в повседневной жизни представители всех сословий. С одной стороны, они были дешевы и общедоступны и, кроме того, имели функции оберега, которыми в народе традиционно наделяли ткани из хлопка: из них шили нижнее платье невесты, тогда как верхние могли быть из любых других дорогостоящих тканей, одежду стариков и траурную одежду. С другой – одежда из таких тканей отвечала требованию ислама о скромности мусульманина. В костюме даже богатого и знатного вельможи, как повседневном, так и праздничном, рубаха и нижние штаны всегда были из бумажных тканей, бумажную подкладку ставили на полупелюшки и шелковые халаты, чтобы таким образом «смягчить» роскошь верхних тканей.

Пример скромности являло собой и облачение бухарского эмира как высшего представителя не только светской, но и духовной власти. По свидетельству современников, костюм эмира обычно демонстрировал «разительный контраст с яркостью и блеском своих залитых в золотую парчу царедворцев»¹⁵. В одежды из шелка и расшитые золотом эмир облачался лишь при посещении мечети во время двух самых больших мусульманских праздников – Курбана и Рамазана, а также при первом посещении в звании эмира Шахрисабза, почитаемого как «ханский город», поскольку там родился Тимур¹⁶. Последние эмиры иногда позировали в золотошвейных одеждах для официальных портретных снимков, но этим перечнем обычно ограничивалось использование эмирами таких одежд. Причем во всех случаях это были неординарные события, в которых роскошный наряд имел, очевидно, определенное семиотическое значение, а не просто должен был поразить окружающих своим величием.

Основанием для этого служит особое отношение к шелку, драгоценным ювелирным изделиям и другим предметам роскоши, которое существует в исламе и в традиционной культуре таджиков и узбеков. Согласно нормам ислама ношение шелковой одежды, особенно нательной, считается предосудительным¹⁷. В Коране (22:23; 76:12) шелк и другие роскошные вещи ожидают правоверного только в раю и должны

служить ему наградой за все невзгоды и терпение при жизни. Участник дипломатической миссии в Бухару 1834 года П.И. Демизон, описывая местный быт и нравы, отмечал, что шелк здесь «могут носить только женщины, так как считается, что если во время молитвы мусульманин будет одет в одежды из чистого шелка, его молитва не дойдет до Аллаха»¹⁸. Вместе с тем, согласно народным верованиям, шелк обладал магическими свойствами (охрана, придание силы, власти и т.д.). Поэтому он допускался в костюме женщин и детей как наиболее «защищенной», уязвимой в сакральном смысле категории общества, а также в одежде тех, кто отвечал за традиционный миропорядок, от кого зависела его устойчивость, а именно, людей, обладающих материальной, социальной, духовной властью – представителей высокопоставленных слоев населения, суфийских шейхов, представителей группы *ак* – «белых» или «святых» – потомков первых принявших в регионе ислам¹⁹.

Подобные ограничения существовали также в отношении золота, как золотошвейных изделий, так и золотых украшений. Считалось, что золото исходит от самого Аллаха и обращаться с ним, иметь его в своем костюме или обиходе позволено лишь самым благочестивым. Золотое шитье принадлежало к числу привилегированных ремесел, и золотошвейями были исключительно мужчины, так как женские руки могли «осквернить» золотную нить (это относилось и к работе с ювелирными материалами). Ассортимент их продукции был разнообразным, однако если приобретать золотошвейные вещи, принадлежащие к женскому костюму, убранству жилища, кошельки и другие подобные предметы могли все, кому это было по средствам, то «мужскую одежду, шитую золотом, носили лишь эмир и самые высшие сановники, которым такая одежда жаловалась вместе с ярлыком при назначении на должность»²⁰. Никто, даже самые высшие сановники государства, не могли заказать для себя у золотошвейев ни халата, ни камзола, ни мундира, ни шаровар, ни обуви, ни чалмы или конской попоны – все это они получали в виде подарков от самого эмира. В свою очередь, правители и хакимы разных областей Бухарского ханства покупали золотошвейные халаты и попоны в связи с ежегодными традиционными подношениями эмиру, в составе которых эти предметы были обязательны²¹.

Эти и другие роскошные предметы в костюме и обиходе являлись знаками избранного, освященного религией положения представителей элитарных слоев мусульманского общества, служили им магической защитой как «ответственных» за традиционные устои. «Мы раздаем <...> жизненные потребности в этой дольней жизни,

возвышаем одних над другими в степенях», – говорится в Коране о законности социального разделения и избранности отдельных групп: «Не засматривайся очами твоими на те блага, какими наделяем мы некоторые семейства» (43:31; 20:131). В возложенной на них «миссии» окружающие их красивые вещи представляли метафорическое выражение эстетической позиции ислама, устанавливающей взаимосвязь между красотой вещи, бытия и Бога, которая была сформулирована в одном из хадисов как «Бог красив, и Он любит красоту»²².

При этом даже у знатных и богатых людей в нарядном костюме могли сочетаться предметы разного достоинства и стоимости – из шелка, парчи и дешевого хлопка, из золота, серебра и меди, с драгоценными камнями и цветным стеклом. Традиционным материалом для украшений в Средней Азии являлось серебро, которое в народе наделялось сакральными благожелательными, защитными и очистительными функциями, и серебряные изделия входили в комплект украшений женщин любого сословия. В Бухаре наиболее дорогие образцы ювелиры покрывали позолотой или делали с золотыми накладками, но и в них, как показывают экспонаты музейных коллекций, драгоценные лалы могли соседствовать с вставками из стекла и цветной пасты. Важнее было наличие определенного набора традиционных предметов, соответствующих той или иной обстановке, тому или иному поводу, чем их материальная стоимость. Так, если семья невесты не могла обеспечить традиционный комплект украшений для свадебного костюма, то недостающие брали на время у соседей, родственников²³. По сообщению С.М. Махкамовой, изучавшей традиции среднеазиатского ткачества в 1950-х годах в одном из махалля (кварталов) Намангана; с давних времен здесь существовал обычай, по которому в костюме невесты должны были входить штаны из кустарного полупелюшки *адрас*, но он в это время уже не вырабатывался, поэтому единственные сохранившиеся в общине штаны из этого материала передавали от одной невесты к другой²⁴. Благодаря такой практике свадебный костюм становился «правильным», что было существенней, чем стоимость отдельных входящих в него предметов, такой костюм не вызывал осуждения окружающих, которого опасались больше, чем упреков в бедности наряда невесты. «Как у всех» являлось (в прошлом и в значительной степени остается до настоящего времени) одним из главных критериев оценки благополучия, критерия, основанного на коллективистском характере религиозного и социального идеала мусульманского сообщества (*умма*), на внутриобщинной солидарности его членов²⁵, хотя и имеющего раз-

ное материальное воплощение у разных слоев ранжированного среднеазиатского общества.

Другим не менее существенным критерием благополучия, которое демонстрировалось в том числе и через предметный мир, являлось гостеприимство. Этот обычай, известный многим народам мира, в исламе получил особое значение и осмысление. В доисламской Аравии он представлял одно из основных положений *мурувва* (букв. «мужественность») – своего рода кодекса чести, который определял стереотипы поведения аравитян того времени²⁶ и в ислам вошел как высшее проявление добродетели мусульманина. В Средней Азии понятие о благополучии – *мурувват* (тадж., узб.) также издавна включало в себя гостеприимство, которое составляло важную часть социальных взаимоотношений. Прилагательное *яхши* в узбекском языке, которое в современных словарях переводится как «хороший», «добрый», «славный», «приличный»²⁷, в народной этимологии означает еще и «богатый», так как этими эпитетами может надеяться только тот человек, который в состоянии оказывать гостеприимство²⁸.

Одним из «предметных» символов гостеприимства служило наличие в доме многочисленной столовой посуды и утвари. При этом, несмотря на развитие обычной многолюдных трапез, сопровождающих любое семейное и общественное торжество, у таджиков и узбеков отсутствовала специальная столовая посуда, которая бы украшала праздничный стол. Использовали изделия местных керамистов – чайники, пиалы, блюда, миски, которые в большинстве своем либо просто покрывались цветной поливой, либо имели несложный рисунок. Высокохудожественные вещи, которые изготавливали ремесленники в отдельных керамических центрах, таких, например, как Риштан в Ферганской долине, предназначались обычно для того, чтобы их выставляли в стенных нишах гостевой комнаты *мехмонхона*, а не для практического употребления. Для этой цели приобретали также дорогую медночеканную утварь, в конце XIX века на полках таких ниш выставляли кузнецовский фарфор – особого ассортимента, выпускавшегося в это время специально для Средней Азии. В отличие от таджиков и узбеков у бухарских евреев, например, подобная нарядная утварь являлась обязательным атрибутом праздничного застолья, особенно пасхального, к которому нередко старались приобрести какую-нибудь новую и необычную посуду. Для таджиков и узбеков первостепенное значение имело не качество и художественные свойства посуды, а ее количество. Именно оно отражало благополучие семьи, определявшееся наличием большого числа родственников, знакомых, званых и незваных гостей, которых она могла

принять и накормить в своем доме, готовностью окружающих прийти в него и выразить тем самым уважение – понятия, занимавшие важнейшее место в системе ценностей таджиков и узбеков и сохраняющиеся как приоритетные у них до сих пор. Этой задаче служили и многочисленные постельные принадлежности, количество которых в доме обычно превышало непосредственные нужды семьи, запасы тканей и халатов, которыми было принято одаривать гостей.

Однако делать их из дорогих материалов или без практической необходимости приобретать дорогую посуду и другие вещи считалось расточительностью и осуждалось в народе и религией: «И расходуйте на пути Аллаха, но не доводите себя своими руками до разорения и благодарствуйте, – поистине, Аллах любит добродетельных» (Коран 2:191). Эта позиция оставалась общей для всех социальных слоев, хотя количество и качество необходимых предметов, естественно, различалось. В дворцовых кладовых эмира, например, одновременно хранилось несколько десятков тысяч халатов, из них не менее 15–20 тысяч золототканых, бархатных, шелковых, сотни сундуков с отрезами всевозможных тканей, поставленные друг на друга, причем нижние ряды по многу лет оставались нетронутыми, ковры, покрывала и одеяла, ценные металлические сосуды²⁹. Все эти предметы имели практическое применение: ими эмир одаривал своих подданных в зависимости от статуса и заслуг, отправлял в качестве подарков правителям других государств, поддерживая тем самым престиж своей власти и своей страны. Но, как только запасы немного уменьшались, на базаре приобретали новые вещи, поскольку их количество в дворцовых кладовых символизировало благополучие Бухарского ханства.

В состав подарков, которые бухарские эмиры отправляли в Петербург царской семье после того как Бухара оказалась под протекторатом России (1868), также обычно входили многочисленные, но однотипные предметы: преимущественно отрезки тканей, халаты. Среди них были как высококачественные произведения среднеазиатских ремесленников, так и весьма посредственные, но главное значение таких подарочных комплектов заключалось в множественности входящих в них предметов, которое должно было свидетельствовать о процветании «благородной Бухары», продемонстрировать которое было столь важно для ее правителей в непростой для них ситуации вассальной зависимости от России. Этой цели служили и индивидуальные подарки, которые периодически делали эмиры членам императорской семьи. Они нередко отличались чрезмерной роскошью и вычурностью, не свойственными в целом среднеазиат-

скому стилю. Так, графиня Е.Л. Камаровская – воспитательница детей Великой княгини Ксении Александровны, описывая бал в Ливадии, где на отдыхе находилась царская семья, вспоминала: «Государыня (Александра Федоровна – Т.Е.) была одета в тяжелое парчовое платье, имея на груди и на голове драгоценности, которые ей на днях поднес эмир бухарский, здесь же присутствующий. Это было все тяжело, неизячно, по-восточному»³⁰. Однако такой подарок со стороны эмира имел скорее политико-дипломатическую подоплеку, чем должен был привлечь внимание императрицы своей художественной ценностью.

Так обычно оценивались европейцами произведения среднеазиатских ремесленников.

Один из первых исследователей культуры таджиков А.Д. Гребенкин, начавший свою работу в Туркестанском крае вскоре после его присоединения к России, по этому поводу замечал: «У среднеазиатцев нет понятия о законченности, однообразии, красоте, гармонии, прочности вещи, или, правильнее, обо всем этом у них есть свое собственное понятие, не совпадающее с европейским»³¹. Действительно, среднеазиатский традиционный предметный мир неотделим от этнокультурного контекста своего бытования, от мировоззрения и этнических стереотипов людей, которым принадлежит и для которых «язык» его символов более значим, чем художественные достоинства отдельных вещей.

¹ Здесь и далее ссылки на: Коран. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963.

² Кабус-намэ. – М., 1958. – С. 127.

³ Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. – М.; Л., 1936. – С. 203.

⁴ И.И. Краузе (1845–1909) жил в Ташкенте с 1870 г. до своей кончины; по специальности был фармацевтом, открыл в Ташкенте первую аптеку, но, как и многие из российской интеллигенции, приехавшей в те годы в Туркестанский край, большой интерес проявлял к изучению особенностей культуры местных народов.

⁵ Давыдова С.А. Кустарная промышленность в Средней Азии. Отчет 1890 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. – Т. II. – СПб., 1894. – С. 42.

⁶ Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. – Ташкент, 1961. – С. 74.

⁷ Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843. – С. 170.

⁸ Оглоблин В.П. Хлопчатобумажная промышленность и торговля в среднеазиатских русских владениях // Русское экономическое обозрение. – 1900. – № 11. – С. 90; Справочная книжка Самаркандской области на 1898 год / Под ред. М. Вирского. – Самарканд, 1899. – Вып. VI. – С. 122, 123; Ремез П. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей. – Ташкент, 1922. – С. 47.

⁹ Лыкошин С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Пг., 1916. – С. 14.

¹⁰ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). – М., 1982. – С. 24.

¹¹ Томина Т.Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 249.

¹² Емельяненко Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев: этнокультурный аспект. – СПб., 2012. – С. 43.

¹³ Гаврилов М.Ф. Рисоля сартовских ремесленников: Исследование преданий мусульманских цехов. – Ташкент, 1912. – С. 48.

¹⁴ Фрагменты хлопчатобумажных тканей, обнаруженные при раскопках на горе Муг (Таджикистан) и датированные концом VII – началом VIII в. (см.: Иванов В.С.

О находках в замке на горе Муг // Известия АН Таджикской ССР. – 1952. – № 2. – С. 37–52), практически не отличаются от хлопчатобумажной ткани *карбос*, вырабатывавшейся таджиками и узбеками в XIX – начале XX в. и известной по музейным коллекциям.

¹⁵ Крестовский В.В. В гостях у Эмира Бухарского. – СПб., 1887. – С. 201.

¹⁶ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в. – Душанбе, 1972. – С. 45.

¹⁷ Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1973. – С. 240.

¹⁸ Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демизона и И.В. Виткевича). – М., 1983. – С. 74.

¹⁹ Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа / СМАЭ. – Т. XLIII. – Л., 1989. – С. 177, 178.

²⁰ Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. – Ташкент, 1962. – С. 117, 118.

²¹ Гончарова В.П. Золотошвейное искусство Бухары. – Ташкент, 1986. – С. 8, 15, 16.

²² Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. – М., 1999. – С. 48, 49.

²³ Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. – М., 1977. – С. 90.

²⁴ Махкамова С.М. Узбекские абровые ткани. – Ташкент, 1963.

²⁵ Иванов Н.А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама (на примере арабосманского общества) // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. – М., 1982. – С. 46, 47.

²⁶ Резван Е.А. Этические представления и этикет в Коране // Этикет у народов Передней Азии. – М., 1988. – С. 39.

²⁷ Узбекско-русский словарь. – М., 1959. – С. 575, 576.

²⁸ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886. – С. 24.

²⁹ Андреев М.С., Чехович О.Д. Указ. соч. – С. 52, 53.

³⁰ Камаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. – М., 2003. – С. 174.

³¹ Гребенкин А.Д. Ук. соч. С. 21. Таджики // Русский Туркестан. – Вып. 2. – М., 1872. – С. 21.